

Хоть тело наше немощей полно,
А похоть старая твердит одно.
И я, на что уж стал я слаб и скуп,
И то сберег свой жеребчий зуб.
Хотя с рожденья живоносный кран
Природой мне в употребленье дан,
Давно уж смерть его нашла, открыла,
И хоть в бочонке жизни много было,
Осталось мало. Высох ли? Ослаб ли
Тот кран? Но из него не выжмешь капли.
Осталось хвастовство, пустые бредни,
Как старых скучных дней удел последний».
Трактирщик, выслушав сию слезницу,
Не стал корить его, не стал браниться.
Высокомерно он ему сказал:
«Кто сей премудрости из нас не знал?
Нам эта песенка самим знакома.
Лишь сатана скроить из мажордома
Мог бы рассказчика и ездока.
А из сапожника хоть моряка.
Кто не читал из нас Екклезиаста?
Наплакался теперь ты вволю? Баста!
Смотри, уж Детфорд близко – полпути
До Гринвича осталось нам пройти.
Не мешкай, Освальд, если свой рассказ
Поведать нам ты хочешь в этот раз.
«Так вот, друзья, меня вы не корите,
Коль мельника в рассказе том узрите
В обличий не слишком-то честном.
С огнем бороться буду я огнем.
Сей пьяный враль здесь плотников порочил
И плел про то, как плотника морочил
Студент, – не потому ль, что плотник я?
Вы больше не услышите нытья.
В моем глазу соринку он заметил,
Его ж бревно у всех нас на примете.
С мольбой к создателю я обращаюсь:
Пусть сдохнет враг, – я плюну, не раскаюсь».

Рассказ Мажордома Здесь начинается рассказ Мажордома

Под Кембрижем, в селенье Трэмпингтон,
Стояла мельница, со всех сторон
Ветлой, кустарником от глаз укрыта.
Была она ничем не знаменита.
И жил в ней мельник, как павлин, чванлив,
Со всеми груб, надменен и сварлив.
Он похвалялся, что в ничьей услуге,
Мол, не нуждается, умел на круге
Гончарном чашку иль горшок слепить,
Умел рыбачить, неводы чинить,
Боролся ловко и стрелял из лука,
Играл на дудке, коль томила скука,
И мог любого спорщика допечь.